

УДК 347.21

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Дмитриенко А. Я.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье рассматривается вопрос об исследовании сущности понятия «цифровые права», определяются основные черты цифровых прав как нового объекта гражданского права. Подчеркивается двойственность их правовой природы – как прав на само цифровое право (запись в информационной системе на основе распределенного реестра), а также прав, закрепляемых данным цифровым правом (прав требования, корпоративных прав). Анализируется законодательство, регламентирующее вопросы, связанные с выпуском, учетом и оборотом утилитарных цифровых прав, цифровых финансовых активов и проводится разграничение последних от смежных понятий: цифровой валюты, криптовалюты, токенов и пр. Делается вывод о том, что цифровые права являются ограниченно оборотоспособными, поскольку возможность совершения правомочий в отношении них зависит от наличия у правообладателя доступа к информационной системе, в которой они расположены, а также правил самой этой системы. Отмечается, что существующее регулирование недостаточно и не охватывает весь перечень объектов, которые возникли в результате стремительно происходящих процессов цифровизации, и которые вызывают интерес у участников общественных отношений. Предполагается дальнейшее совершенствование законодательства о цифровых правах.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, токен, распределенный реестр, бездокументарные ценные бумаги, цифровое свидетельство, оператор информационной системы

Экспоненциальный рост цифровых технологий в последние годы привел к существенному изменению правовой и экономической реальности, обусловленной цифровой революцией и цифровизацией ряда общественных отношений. На сегодняшний день можно говорить о формировании некоей цифровой среды, в рамках которой существуют принципиально новые объекты, по поводу которых складываются общественные отношения между пользователями сети Интернет. Сюда можно отнести появление виртуальной и дополненной реальности, блокчейн-технологий, развитие искусственного интеллекта, «облачных» компьютерных сервисов и цифровых технологических платформ. Даже существование так называемых социальных сетей дополнило и изменило существующую систему общественных отношений.

Наряду с этим, необходимо признать тот факт, что выработанные действующим законодательством подходы к регулированию различных групп общественных отношений оказываются недостаточными и неэффективными, когда речь заходит о цифровой среде и новых цифровых объектах. И если, к примеру, за последние годы стало более эффективным регулирование вопросов оборота объектов интеллектуальных прав в сети Интернет, появились механизмы их защиты и пресечения нарушений, то регулирование вопросов, связанных с цифровыми правами, находится только на стадии формирования. Это обуславливает актуальность исследований в указанной сфере.

В рамках данной статьи поставлена цель исследования понятия и содержания таких относительно новых объектов гражданского оборота, как цифровые права и цифровые финансовые активы, отграничение данных понятий от смежных с ними, анализ действующего законодательства в этой сфере и раскрытия сущности отношений, складывающихся в сфере оборота цифровых прав. Очевидна необходимость

более детальной и четкой правовой регламентации института «цифровых прав», а также более глубокое и тщательное исследование данной проблематики.

Так, можно утверждать, что в доктрине существует достаточно широкое и абстрактное понимание цифрового права как права иметь доступ в сеть Интернет, доступ к информации, а также связанные с ними возможности для пользователей информационно-телекоммуникационных сетей. Но для настоящей статьи предметом исследования выступают цифровые права в том узком частно-правовом смысле, который заложен в отечественном законодательстве.

В 2019 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены изменения. В частности, в перечень объектов гражданских прав (ст. 128) в состав иного имущества были включены цифровые права. Также кодекс был дополнен статьей 141.1, определяющей природу этих прав и норму, позволяющую определить их обладателя. Появление такого объекта по логике законодателя должно было подчинить целый ряд общественных отношений, складывающихся в цифровой среде, регламентации нормами гражданского права. Тем не менее, закрепление на законодательном уровне норм о цифровых правах породило в научной среде большое число дискуссий относительно свойств и правового режима таких объектов.

В литературе термин «цифровые права» рассматривается цивилистами как своеобразный аналог зарубежного термина «токен», который также многозначен. В переводе с английского, «token» – это жетон, талон, признак, примета, опознавательный знак. В контексте нашего исследования, мы будем рассматривать токены как запись в распределенном реестре, созданном и существующем в виртуальной цифровой среде с использованием технологии блокчейн (технологии распределенных реестров). Как отмечает М. А. Рожкова, данная технология широко применяется при создании «разнообразных онлайн-платформ, сервисов и приложений (в сфере платежей, расчетов, исполнения контрактов (смарт-контрактов) и т.д.)», где токен выступает «в качестве условных платежных единиц ... для открытия доступа к дополнительным возможностям, для обращения к использованию расширенного функционала и т.д.» [1, с. 33-34].

Разнообразие сфер применения технологии блокчейн обуславливает также и разнообразие видов токенов. Выделяют утилитарные токены, предоставляющие доступ к определенной цифровой системе или онлайн-платформе), токены-активы, выступающие средством инвестирования (которые по своему механизму действия сходны с бездокументарными ценными бумагами) и платежные токены (сюда условно могут быть отнесены криптовалюты, различные бонусные программы и баллы, валюты в различных игровых платформах и т.д.).

Тем не менее, не все из вышеперечисленных токенов будут признаваться в России в качестве цифровых прав. Причина этому – формулировка, закрепленная в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ. Согласно которой под цифровыми правами понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Формулировка «названные в таком качестве в законе» означает, что признаваться цифровыми будут не любые токены, которые возникли в цифровой среде, а лишь те, которые непосредственно признаны таковыми в законодательных актах. При таком подходе очень большое количество объектов, существующих в различных он-

лайн-платформах, использующих технологию блокчейн, и иных цифровых объектов, которые могут выступать объектами отношений между участниками, в том числе купли-продажи и иных сделок, остаются за пределами правового регулирования. Можно констатировать, что цель легализации новых цифровых объектов в правовом поле в полной мере не реализована.

С другой стороны, за счет прямого указания в законодательстве прав, признаваемых цифровыми, государство может однозначно определить правовой режим таких объектов и контролировать вопросы, связанные с их оборотом и защитой.

Так, на сегодняшний день такое указание содержится в федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ от 02.08.2019 № 259-ФЗ). Данный закон вводит понятие утилитарных цифровых прав, которое раскрывает путем перечисления конкретных видов прав, которые могут возникнуть, а также условия, при которых они могут признаваться цифровыми.

Это, в частности: право требовать передачи вещи (вещей), передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, а также право требовать выполнения работ и оказания услуг, если они размещены в инвестиционной платформе (соответствующей предъявляемым законом требованиям). Юридическим фактом, порождающим возникновение таких прав в качестве цифровых, выступает договор о приобретении утилитарного цифрового права, заключенный посредством инвестиционной платформы в порядке, определяемом последней.

Это законодательное положение соответствует требованиям нормы ст. 141.1 ГК РФ и тем существенным признакам, которые отличают любое относительное обязательственное право (поскольку права требования относятся к этой категории), от цифрового права. Как известно, осуществление любых юридически значимых действий в отношении цифровых прав происходит исключительно в рамках и по правилам той информационной системы, где оно размещено.

Применительно к утилитарным цифровым правам такой системой выступает инвестиционная платформа. Такие права не могут возникнуть вне ее пределов, а в последующем быть там размещены, а также могут отчуждаться, приобретаться и использоваться только в этой инвестиционной платформе. Данную характеристику цифровых прав можно обозначить как существенную и отграничивающую их от всех иных прав. Поэтому можно утверждать, что такие цифровые права являются ограниченными в обороте, ведь без доступа к информационной системе, в которой данное право зарегистрировано, лицо не сможет совершить никакие действия с этим правом. Утрата доступа к инвестиционной платформе делает невозможным распоряжение цифровым правом, однако не отменяет статуса лица как обладателя такого права. Примечательно, что ГК РФ использует именно понятие «обладатель цифрового права», что еще раз подтверждает факт того, что цифровые права не относятся к категории вещных прав.

Поскольку по сути своей утилитарное цифровое право в понимании Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, а также цифровые права в целом в понимании ст. 141.1 ГК РФ представляют собой обязательственное право, существующее в определенной виртуальной информационной системе, возникает вопрос о сущности и

природе таких прав. Можно ли утверждать, что цифровое право – это новый объект права, или же это просто новый способ фиксации уже существующих и известных нам обязательственных прав, возникший благодаря цифровизации общественных отношений и распространения технологии распределенных реестров (технологии блокчейн)?

С. И. Сулова и В. П. Камышанский отрицают необходимость выделения цифровых прав как отдельного объекта, поскольку они не создают новые, а только закрепляют уже существующие права [2, с. 11; 3, с. 17]. Однако мы не можем согласиться с такой позицией ввиду следующего. Согласно Е. А. Суханову, выделение объектов гражданского права осуществляется в зависимости от возможности совершения с ними сделок, влекущих гражданско-правовой результат [4]. А поскольку в отношении цифровых прав могут совершаться гражданско-правовые сделки, но осуществление их определяется по правилам цифровой платформы, в которой такие права размещены, то есть обладает определенной спецификой, можно с уверенностью признавать их самостоятельным объектом гражданских прав.

На что при этом стоит обратить внимание, так это на сложность и некую двойственность их правовой природы. С одной стороны, цифровое право само выступает предметом сделки, а с другой, подтверждает некоторые права, обязательственные и иные, как указано в законе.

А. С. Степанян отмечает, что при толковании норм действующего законодательства о цифровых правах «объектом права» становится «само право», вернее сказать, одно из прав требования, заложенных в понятие утилитарного цифрового права» [5]. М. А. Рожкова предлагает разграничивать «право на запись» и «право из записи», под словом запись имея в виду «цифровой код в информационной системе распределенного реестра», то есть цифровое право как таковое [1, с. 34].

В целом, данная дискуссия сходна с той, которая сложилась в цивилистике с появлением бездокументарных ценных бумаг, что неудивительно, ведь, как известно, нормативные положения статьи ГК РФ о цифровых правах созданы по образу и подобию норм о бездокументарных ценных бумагах.

Таким образом, можно утверждать, что конструкция норм о цифровых правах подтверждает тезис о том, что рассматриваемые объекты выступают как форма фиксации или, иначе, форма закрепления обязательств, принимаемых на себя эмитентом. Однако, вопрос о сущности и специфике такого нового объекта гражданского права не разрешен, так как специфика его оборота значительно осложняется принципом их закрепления и осуществления в цифровой информационной системе.

Несмотря на схожесть формулировок нормативных положений о цифровых правах и бездокументарных ценных бумагах, механизм обращения цифровых прав отличается от аналогичного механизма, предусмотренного для бездокументарных ценных бумаг. Учет цифровых прав осуществляется посредством записей в информационной системе без привлечения третьих лиц.

Документом, подтверждающим принадлежность утилитарного цифрового права определенному лицу, выступает цифровое свидетельство. Выдача и учет таких свидетельств осуществляется депозитарием, применительно к утилитарным цифровым правам – оператором инвестиционной платформы. О.М. Шевченко указывает, что за счет использования цифровых свидетельств происходит повышение ликвидности

цифровых прав путем выпуска ценных бумаг, удостоверяющих права на эти активы [6, с. 78].

Цифровые свидетельства признают неэмиссионными бездокументарными ценными бумагами, сконструированными по принципу депозитарных расписок. Использование таких цифровых свидетельств позволяет преодолеть те ограничения в обороте, которые установлены федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ.

Приобретая цифровые свидетельства, их владельцы получают возможность косвенно (посредством дачи указаний депозитарию) распоряжаться удостоверенными ими УЦП, при этом данные УЦП продолжают находиться внутри инвестиционной платформы [6, с. 80].

К числу законов, регламентирующих общественные отношения в сфере оборота объектов в цифровой среде, стоит отметить Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», а также Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – закон о ЦФА). Указанный закон регламентирует правовой режим такого вида цифровых прав, как цифровые финансовые активы, в том числе деятельность оператора информационной системы, в которой осуществляется их эмиссия, и оператора обмена этих активов, а также вопросы использования криптовалюты.

В данном законе также содержится легальное определение понятия распределенного реестра, под которым в соответствии с п. 7 ст. 1 понимается совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма).

До принятия данного закона высказывались предположения, что цифровые финансовые активы могут включать в себя криптовалюты, контент, big data, виртуальное игровое имущество и даже доменные имена [7, с. 35]. Однако толкование норм Закона о ЦФА позволяет сделать вывод, что данные объекты не могут быть отнесены к цифровым финансовым активам.

Согласно п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА, цифровые финансовые активы – это цифровые права, которые включают: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Так же, как и в случае иных видов цифровых прав, выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов возможно только в информационной системе согласно нормам законодательства и правилам, установленным для данной информационной системы. Данные правила утверждаются оператором такой системы на основании требований Закона о ЦФА.

Ст. 5 Закона о ЦФА устанавливает требования к оператору информационной системы. Он должен быть включен Банком России в реестр операторов информационных систем. Примечательно, что оператором может выступать только юридическое лицо, личным законом которого является российское право. Данная формулировка

представляет особый интерес, поскольку категория личного закона свойственна для определения «национальности» и объема правосубъектности юридических лиц в отношениях с иностранным элементом. Таким образом законодатель сужает круг лиц, которые могут быть зарегистрированы в качестве операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск и оборот цифровых финансовых активов.

Выпуск цифровых финансовых активов возможен только в порядке, предусмотренном законом. Их учет осуществляется посредством внесения записи в информационную систему. Внесение таких записей, как и их изменение, осуществляется по указанию лица, осуществляющего выпуск цифровых финансовых активов, владельца цифровых финансовых активов, а в предусмотренных законом случаях – иных лиц в силу действия, совершенного в рамках сделки. Стоит отметить, что, если прекращается обязательство, удостоверенное цифровыми финансовыми активами, соответствующие записи в информационной системе должны быть погашены.

Таким образом, цифровые финансовые активы также имеют достаточно ограниченное содержание и закрепляют преимущественно корпоративные права, которые существуют только в пределах информационной системы. Они обладают теми же характерными чертами, что и иные цифровые права – обладают двойственной природой (закрепляют право на запись и конкретное право), существуют только внутри информационной системы, их выпуск и оборот осуществляется в соответствии с правилами информационной системы и требованиями закона.

Данный вид цифровых прав также является ограниченно оборотоспособным, так как для приобретения статуса обладателя цифровых финансовых активов лицо должно быть включено в реестр пользователей информационной системы, в которой размещены цифровые финансовые активы, а также иметь уникальный код для доступа к этой системе. Более того, приобретение некоторых видов цифровых финансовых активов (определяется Банком России) возможно только для квалифицированных инвесторов.

На основании этих черт можно отграничить цифровые финансовые активы и цифровую валюту. Под последней Законом о ЦФА понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

В связи с появлением легального термина цифровой валюты возникает вопрос, можно ли поставить знак равенства между ним и криптовалютами, которые приобретают такую популярность в последнее время? И можем ли мы руководствоваться положениями данного закона для определения правового режима таких криптовалют, как, например, биткоин, USD Coin, Ethereum, e-money и прочие. Вопрос о соотношении цифровых финансовых активов, цифровой валюты и криптовалют как на терминологическом, так и на содержательном уровне активно обсуждается в док-

трине. Так, Ю. В. Брисов и А. А. Победкин указывают, что выпуск криптовалюты, в отличие от цифровых финансовых активов, не регулируется нормами закона о ЦФА, а оборот цифровой валюты осуществляется «... в децентрализованном реестре без каких-либо посредников и ответственных лиц» [8, с. 50].

Т. П. Подшивалова, Е. В. Титова, Е. А. Громова отмечают, что цифровые деньги «... не относятся ... к цифровым правам, а следовательно, к имуществу. Исключения составляют отношения в сфере несостоятельности (банкротства), исполнительного производства, противодействия коррупции и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» [9, с. 553].

По нашему мнению, цифровые валюты стоит отграничивать от цифровых финансовых активов ввиду очевидной разницы, заложенной законодателем, однако вопрос о признании их в качестве имущества является открытым. Так, например, в настоящее время находится на стадии принятия законопроект №270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля», который будет официальной цифровой валютой Центрального банка РФ. Законопроектом планируется создание платформы цифрового рубля, функционирование которой возлагается на Банк России. Физические и юридические лица – пользователи данной платформы смогут открывать цифровые счета (кошельки), где будут храниться цифровые рубли, а также совершать в рамках данной платформы различные операции с ними.

Сопутствующим законопроектом № 270852-8 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» предлагается внести изменения также в ГК РФ, в частности, признать цифровой рубль безналичными денежными средствами. Принятие данных законов будет означать, что цифровая валюта также выступает в качестве объекта гражданских прав, а именно, к «иному имуществу», согласно терминологии ст. 128 ГК РФ.

Разграничение понятий криптовалют, цифровых валют и цифровых финансовых активов содержится также в докладе для общественных консультаций Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры» от 2022 г. В нем отмечается, что криптовалюты «включают цифровые валюты в соответствии с Федеральным законом от 31.08.2020 № 259-ФЗ, а также цифровые финансовые активы, которые могут использоваться в иностранной юрисдикции для платежей» [10, с. 6].

Исходя из доклада, можно сделать вывод, что стейблкоины, биткоины и аналогичные криптовалюты эмитируются неопределенными лицами или частными компаниями, и поэтому считаются необеспеченными ввиду отсутствия законодательной регламентации и контроля со стороны государства за процессами, связанными с их выпуском и оборотом. Система eMoney может быть отнесена к категории электронных денег, выступает как альтернатива наличным денежным средствам, выпущенная частным эмитентом. В настоящее время находится за пределами правового поля и не может быть отнесена ни к цифровой валюте, ни к цифровым финансовым активам.

Поскольку законодатель не регламентирует вопросы, связанные с выпуском и оборотом цифровых валют (за исключением цифрового рубля, законодательство о котором находится на стадии принятия), можно заключить, что деятельность различных криптобирж, криптообменников, P2P-платформ и прочих лиц остается за

пределами правового регулирования, а следовательно, обладатели различных видов криптовалют не могут защитить свои права и интересы, связанные с данными объектами. Существуют определенные риски, связанные с возможностью утраты сбережений, вложенных в криптовалюты, невозможностью точного определения ценности данных валют, что обусловлено зависимостью цен на их приобретение от текущего спроса на рынке, существования различных мошеннических схем и иной нелегальной деятельности, осуществляемой в сфере оборота необеспеченных криптовалют и криптоактивов.

И хотя существует судебная практика по признанию законным внесения в уставный капитал биткоина в 2019 г., говорить о легализации таких объектов и надлежащей регламентации отношений, связанных с оборотом криптовалют, не приходится.

Можно сделать вывод, что существующее правовое регулирование института цифровых прав имеет весьма ограниченную сферу применения и не распространяется на большое количество объектов, которые явились результатом цифровизации и развития информационных технологий, существуют в виртуальном пространстве и представляющих определенный интерес для участников гражданского оборота (виртуальное имущество, NFT-объекты, аккаунты и т.д.). Наиболее детально урегулирован в законодательстве механизм возникновения, оборота и прекращения утилитарных цифровых прав, вследствие чего последние могут использоваться в инвестиционных платформах как инструмент инвестирования. Свою регламентацию также получили отношения, связанные с выпуском и оборотом цифровых финансовых активов.

Тем не менее, в доктрине не сформировалось единого представления относительно сущности цифровых прав, поскольку существует некая двойственность их правовой природы – с одной стороны, прав на само цифровое право (запись в информационной системе на основе распределенного реестра), а также прав, закрепляемых данным цифровым правом (прав требования, корпоративных прав и т.д.). При этом механизм регулирования цифровых прав делает их ограниченно оборотоспособными и зависящими от наличия доступа к информационной системе, в которой они расположены, а также правил самой этой системы. Примечательно, что ГК РФ подразумевает под цифровым правом «обязательственное или иное право», что означает возможность дальнейшего расширения перечня тех объектов и тех прав, которые удостоверяются посредством цифрового права.

Список литературы:

1. Рожкова М. А. NFT и иные токены: право на запись и право из записи // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – Вып. 4 (38). – С. 29-39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29.
2. Сулова С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С.И. Сулова, У.Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2. – С. 11-15.
3. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве / В.П. Камышанский // Власть Закона. – 2019. – № 1 (38). – С. 14-18.
4. Суханов Е.А. Гражданское право: в 4 т. / Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – Т. 1: Общая часть. – 720 с.
5. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав / А.С. Степанян // Журнал «Законы России: опыт, анализ, практика». – № 7. – 2020. – С. 27-31.
6. О. М. Шевченко. Цифровое свидетельство – новый вид ценной бумаги // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – № 7. – 2020. – С. 76-82.
7. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности / Ю. К. Цареградская // Журнал «Международный научно-практический журнал «Право и цифровая экономика». – 2021. – № 2. – С. 32-38.

8. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? / Ю. В. Брисов, А. А. Победкин // Сетевое издание «Цифровое право (Digital Law Journal)». – 2022. – № 1. Том 3. – С. 44-66.

9. Право цифровой среды: монография / под. ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – Москва: Проспект, 2022. – 896 с.

10. Криптовалюты: тренды, риски, меры // Доклад Банка России для общественных консультаций. – Москва, 2022. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения 28.03.2023).

Dmitrienko A. Y. Some aspects of the regulation of digital rights in domestic legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 356–354.

The article discusses the question of exploring the essence of the concept “digital rights”, determines the main features of digital rights as a new object of civil law. The duality of its legal nature is emphasized - as rights to the digital right itself (an entry in an information system based on a distributed registry), as well as rights fixed by this digital right (claim rights, corporate rights). The article analyzes the legislation regulating issuance, accounting and circulation of the utility digital rights, digital financial assets and distinguishes the latter and related terms: digital currency, cryptocurrency, tokens etc. A conclusion is made that digital rights are objects in limited circulation as the possibility of performing transactions with digital right depends on the right holder’s access to the information system where this right is located as well as the rules of its system itself. It is noted that the current legal regulation is insufficient and does not cover the entire list of objects that have been created as a result of rapidly occurring digitalization processes and that are of interest to participants of public relations. Further improving of the legislation on digital rights is suggested.

Key words: digital rights, digital financial assets, token, distributed ledger, paperless securities, digital certificate, information systems operator.

Spisok literary:

1. Rozhkova M. A. NFT i inye tokeny: pravo na zapis' i pravo iz zapisi // ZHurnal Suda po intellektual'nym pravam. – 2022. – Vyp. 4 (38). – S. 29-39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29.

2. Suslova S. I. Ob'ekty grazhdanskih prav v usloviyah formirovaniya informacionnogo prostranstva Rossii / S.I. Suslova, U.B. Filatova // Prolog: zhurnal o prave. – 2019. – № 2. – S. 11-15.

3. Kamyshanskij V. P. O cifrovoj tekhnologii i cifrovom prave / V.P. Kamyshanskij // Vlast' Zakona. – 2019. – № 1. – S. 14-18.

4. Suhanov E.A. Grazhdanskoe pravo: v 4 t. / E.A. Suhanov. – M.: Volters Kluver, 2006. – Т. 1: Obshchaya chast'. – 720 s.

5. Nekotorye problemy grazhdansko-pravovogo oborota cifrovyyh prav / A.S. Stepanyan // ZHurnal «Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika». – № 7. – 2020. – S. 27-31.

6. O. M. Shevchenko. Cifrovoe svidetel'stvo – novyj vid cennoj bumagi // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – № 7. – 2020. – S. 76-82.

7. Kriptovalyuta, cifrovye finansovye aktivy, cifrovye prava: terminologicheskoe mnogoobrazie v processe formirovaniya pravovoj dejstvitel'nosti / YU. K. Caregradskaya // ZHurnal «Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal «Pravo i cifrovaya ekonomika». – 2021. – № 2. – S. 32-38.

8. Pravovoj rezhim NFT (non-fungible token) v Rossii: kak rabotat' v otsutstvie special'nogo zakonodatel'nogo regulirovaniya? / YU. V. Brisov, A. A. Pobedkin // Setevoe izdanie «Cifrovoe pravo (Digital Law Journal)». – 2022. – № 1. Том 3. – С. 44-66.

9. Pravo cifrovoj sredy: monografiya / pod. red. Т.П. Podshivalova, E.V. Titovoj, E.A. Gromovoj. – Moskva: Prospekt, 2022. – 896 s.

10. Kriptovalyuty: trendy, riski, mery // Doklad Banka Rossii dlya obshchestvennyh konsul'tacij. – Moskva, 2022. [Elektronnyj resurs]. URL:

http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (data obrashcheniya 28.03.2023).